

В. ЧЕРНЯВСКИЙ

ШПИОН №1

В. ЧЕРНЯВСКИЙ

Шпион №1

ПАМФЛЕТ О ШЕФЕ РАЗВЕДКИ США
ДЖОНЕ АЛЕКСЕ МАККОУНБ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1963

Джон Алекс Маккоун — директор Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки. За внешностью респектабельного джентльмена скрывается матерый шпион, организатор грязных политических интриг и преступных заговоров.

О прошлом шефа американской разведки, о том, какими способами сколотил он свои миллионы и стал «человеком» некоронованных королей Америки Рокфеллеров, о влиянии, которое Маккоун оказывает на политику правительства США, в частности в кубинском вопросе, рассказывается в этом памфлете. Написанный журналистом-международником В. Чернявским на основе мало известных советскому читателю материалов, памфлет раскрывает закулисную сторону политической жизни Вашингтона.

ЧЕРНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ МИСТЕРА МАККОУНА

Дверь кабинета президента закрылась за плотным седовласым джентльменом. Выйдя из Белого дома, он остановился у подъезда, будто припоминая что-то. Кустистые брови сошлись над переносицей. Очки, прикрывавшие почти прозрачные глаза, зло блеснули в тусклом свете заходящего октябрьского солнца. Рассеянно взглянув на белую мраморную стрелу обелиска — памятника Джорджу Вашингтону, — над которой нависло темное небо, джентльмен круто повернулся и направился в западное крыло Белого дома. Через несколько минут он вошел в кабинет, который вот уже почти два года занимал Макджордж Банди — главный советник президента по вопросам внешней политики и военной стратегии.

Хозяин кабинета сидел за большим столом, заваленным бумагами.

— Хэлло, Джон, — приветствовал он вошедшего и поспешил навстречу. — Рад снова видеть вас. Очень рад.

Макджордж Банди, один из влиятельнейших политических деятелей США, специальный помощник президента по вопросам национальной безопасности и внеш-

ней политики, не случайно рассыпал любезности перед своим посетителем. Гость стоял на еще более высокой ступеньке вашингтонской иерархии, чем он. Это был директор Центрального разведывательного управления Джон Алекс Маккоун.

— Благодарю, Макджордж. Ваше дружеское отношение, кажется, единственное, что хоть немного помогает мне перенести все неприятности, обрушившиеся на меня сегодня.

Шеф вашингтонского ведомства «плаща и кинжала» в отличие от своего предшественника Аллена Уэлша Даллеса, всегда изысканно вежливого и уравновешенного, был невоздержан на язык и не стеснялся крепких выражений.

— Запомните этот чертов день, Макджордж,— продолжал Маккоун.— Я, честно говоря, не люблю признавать свои ошибки, но боюсь, что нам пришлось отступить.

Банди взглянул на календарь: воскресенье, 28 октября 1962 года. Затем перевел глаза на собеседника.

— Что, плохие известия, Джон?

— Да вы же прекрасно знаете сами,— пробурчал Маккоун, усаживаясь в кресло.— Президент подписал послание Хрущеву. Сейчас оно передается по радио.

Банди нажал кнопку радиоприемника. «Я сразу же отвечаю на Ваше послание от 28 октября, переданное по радио...— послышался голос диктора,— так как придаю огромное значение тому, чтобы действовать быстро в целях разрешения кубинского кризиса... Я рассматриваю свое письмо Вам от 27 октября и Ваш сегодняшний ответ как твердые обязательства обоих наших правительств, которые следует быстро осуществить.

Я надеюсь, что можно будет через Организацию Объединенных Наций немедленно принять необходимые меры, как говорится в Вашем послании, с тем, чтобы Соединенные Штаты в свою очередь были в состоянии отменить осуществляемые сейчас меры карантина».

— Выключите, Макджордж!

Голос Маккоуна дрожал от сдерживаемого бешенства.

— Я понимаю вас, Джон,— участливо сказал Банди, выключая приемник,— но иначе было нельзя.

— Не утешайте меня,— ответил Маккоун.— Дело не только в нашей общей неудаче. Я не собираюсь ничего скрывать — президент все равно скажет вам. ДФК¹ сделал мне лично выговор за провал кубинского плана. Он даже намекнул — подумайте только! — что я оказался в ситуации, схожей с той, в которую попал бедняга Аллен Даллес в апреле прошлого года, когда Кастро расколошматил его ребят в заливе Свиней. Эта дьявольская Куба становится камнем, о который мы все время спотыкаемся, как бы высоко ни поднимали ноги.

— Ну, Джон, вы тоже должны понять президента. Дважды за неполные два года у него такие крупные неприятности из-за Кубы. Режим Кастро, кажется, грозит превратиться в дамоклов меч, висящий над нами. Наполеон говорил, что политика — это рок. Ей-богу, мне кажется, таким роком стала для нас наша политика в отношении Кубы. Однако вам, мой дорогой друг, многое извинительно, ведь еще не прошло и года, как вы сменили Аллена в разведке.

— Бросьте, Джордж,— перебил шеф тайной служ-

¹ В США принято называть президента по заглавным буквам его имени и фамилии. ДФК — Джон Фитцджеральд Кеннеди.

бы.— Не изображайте из себя жертву рекламы. Достаточно того, что среднему американцу — этому «мистеру Бэббиту» — газеты преподнесли меня как человека, который, ничего не смысля в разведке, взялся за расчистку авгиевых конюшен Аллена Даллеса и в течение нескольких месяцев перещеголял отставного гения от шпионажа. Уж вы-то знаете, какой я новичок!

Банди многозначительно усмехнулся. Ему, конечно, было известно, что еще 14 лет назад, когда в Белом доме хозяйничал миссурийский лавочник Гарри Трумэн, Маккоун, будучи заместителем сначала министра обороны, а затем министра авиации, усиленно занимался вопросами организации военной разведки. И не только военной. Маккоун немало сделал для развертывания деятельности созданного в те годы Центрального разведывательного управления.

А совсем недавно, в 1958—1960 годах, при «короле гольфа» Эйзенхауэре Джон Маккоун был председателем Комиссии по атомной энергии. И в том, что у этого учреждения сейчас собственная, прекрасно организованная и активно действующая шпионская служба,— заслуга Маккоуна.

Но Джон не только командовал агентами, выведывавшими атомные секреты, где только можно — и у потенциальных противников и у союзников. Он не гнушался лично принимать участие в тайных операциях. Матерые разведчики до сих пор вспоминают, как Маккоун пытался превратить свою официальную поездку в Советский Союз осенью 1959 года в крупную шпионскую операцию. Правда, русские, вспомнил Банди, не позволили не в меру ретивому главному атомщику Вашингтона докопаться до своих секретов. Однако это не помешало

Джону сделать из своих «личных наблюдений» в Советском Союзе «выводы», восхитившие американских фабрикантов смерти: правительство должно отпустить новые миллиарды долларов на производство ядерного оружия. Монополисты, наживающиеся на гонке вооружений, благодаря «рекомендациям» Маккоуна положили в свои сейфы дополнительные огромные прибыли.

А роль Маккоуна в срыве совещания глав правительств в Париже в мае 1960 года? Официально Джон являлся главным консультантом президента Эйзенхауэра по атомным вопросам. Но многие в Вашингтоне утверждали, что на самом деле он был одним из главных закулисных воротил, сорвавших совещание. Говорят, что в тайной шпионской истории самолета У-2 Маккоуну принадлежала далеко не последняя роль: его называли в числе тех избранных, с кем советовался Аллен Даллес, прежде чем отправить Фрэнсиса Пауэрса в шпионский полет в пределы Советской России.

И кто знает, размышлял Банди, может быть, именно практичный бизнесмен Маккоун задумал послать Пауэрса, заведомо зная, что русские собьют его. Ведь он, Маккоун, был членом Национального управления по авиации и освоению космического пространства (НАСА) — учреждения, под прикрытием которого вторгались в воздушное пространство других стран летающие шпионы Даллеса.

Что касается полета Пауэрса, то расчет, как известно, оказался точным: совещание в Париже было торпедировано. И если бы не одно досадное обстоятельство, которое не сумели предусмотреть ни Даллес, ни Маккоун (летчик остался жив), операция «У-2» могла бы стать удачным предприятием. А так она положила

начало длинной цепи непрерывных неудач ведомства «плаща и кинжала», нанесших колоссальный ущерб политике и престижу Вашингтона.

Месяцем позже участь У-2 разделил другой разведывательный самолет — РБ-47. Не прошло, кажется, и двух месяцев, припомнил далее Банди, как нашу секретную службу постиг новый удар: этот парень со странной фамилией... сержант Слобода, заместитель начальника секции в штабе 513-й группы нашей военной разведки, объявил, что порывает со шпионажем, как он выразился.

А через короткое время новая большая неприятность: к русским перебежали два сотрудника сверхсекретного Национального агентства безопасности Мартин и Митчел.

Да, вздохнул Банди, что-то в последнее время счастье отвернулось от нашей секретной службы.

ПОДРУЧНЫЙ «БРАТЬЕВ-РАЗБОЙНИКОВ»

Банди взглянул на собеседника. Тот погрузился в свои мысли. Так и сидели два важных вашингтонских сановника, каждый думая о своем...

Нет, не только опыт в грязном шпионском ремесле явился причиной того, что Маккоун, покинув пост председателя Комиссии по атомной энергии, уже через какие-нибудь десять месяцев, в ноябре 1961 года, занял куда более важную должность — директора ЦРУ. Не так-то легко стать главой тайной службы Вашингтона, усмехнулся про себя Банди. Кто-кто, а уж он, Банди, знает, что в этом Джону помог Рокки — Нельсон Рок-

Феллер — губернатор штата Нью-Йорк и «министр иностранных дел» могущественного рокфеллеровского клана. После второй мировой войны стало прямо-таки традицией, что люди Рокфеллеров — независимо от того, кто сидит в Белом доме, демократ или республиканец, — возглавляют ведомство иностранных дел и центральную разведку. А Джон Маккоун — верный подручный Рокфеллеров уже хотя бы потому, что он был директором рокфеллеровского нефтяного гиганта «Стандард ойл компани оф Калифорния» и вложил в это предприятие более миллиона долларов. Бесспорно, бизнес Рокфеллеров — это и его, Маккоуна, бизнес.

Смешанное чувство зависти и уважения шевельнулось в груди у Банди, когда он вспомнил, что Маккоун — один из тех немногих счастливых, которые иногда допускаются на еженедельные совещания братьев Рокфеллеров. Главный советник президента подумал: вряд ли преувеличивают те, кто утверждает, что на «тайных вечерах» во дворце этой промышленно-финансовой империи, на верхнем этаже Рокфеллер-сентэр в Нью-Йорке, в значительной степени определяется внешняя политика Соединенных Штатов Америки.

Выбор пал на калифорнийского дельца не только из-за того, что он тесно связан с рокфеллеровской империей. Правда и то, что Джон — администратор с большим опытом государственной службы. После назначения Маккоуна директором ЦРУ газеты писали о нем как о «жестком человеке» и «решительном руководителе».

Но в Вашингтоне «жестких и решительных» людей хоть отбавляй. Главную роль — Банди прекрасно помнит подоплеку назначения своего посетителя — помимо

поддержки Рокфеллеров сыграл воинствующий антикоммунизм Маккоуна. Достаточно широко известно — это выболтал недавно проныра из «Вашингтон пост» Дрю Пирсон, — что Джон вместе с Дином Ачесоном возглавляет в Белом доме группу «непримиримых», выступающих против достижения какой бы то ни было договоренности с русскими, за превентивную войну против Советского Союза. Собственно, самодовольно ухмыльнулся Банди, и меня относят к ним. Пожалуй, мы с Джоном единомышленники...

Впрочем, почему Дрю Пирсон выболтал? Здесь нет никакого секрета. Ведь в январе этого года при утверждении в сенате назначения Маккоуна директором ЦРУ добрая дюжина сенаторов, в том числе два республиканца, голосовала против его кандидатуры. Джон совершенно одержим ненавистью к коммунистам, считали они, и еще больше, чем его предшественник Аллен Даллес — один из признанных «чемпионов» антикоммунизма, — будет ошибаться в оценке международных событий. Конечно, воду мутили и конкуренты Рокфеллеров: Армуры, Филды, Маккормики из Чикаго или тexasские «ковбои» — миллионеры вроде Андерсона: им, разумеется, не хотелось отдавать «человеку» Рокфеллеров еще один из руководящих государственных постов. Не иначе как эти люди побудили обозревателя Стоуна высказать опасение, что «давнишние и тесные связи» с авиационной и ракетной промышленностью наложат отпечаток на деятельность Маккоуна в ЦРУ и заставят его непрерывно поддерживать международную напряженность. Но факт остается фактом: Джон считает всех русских «истинными дьяволами» и не скрывает этого. Он открыто разделяет мнение сенатора Строма Тэрмонда, заявившего:

«США уже сейчас находятся в состоянии войны с Россией».

Все усилия противников Маккоуна оказались тщетными: ДФК окончательно остановился на кандидатуре «жесткого администратора» из Калифорнии. Маккоун, как и сам президент,— ревностный католик, регент иезуитского университета имени Игнация Лойолы в Лос-Анжелесе, друг ультраконсервативного кардинала Макинтайра. Помимо всего прочего, назначив ярого антикоммуниста директором Центрального разведывательного управления, Кеннеди хотел оградить оскандалившуюся на весь мир секретную службу Вашингтона от чрезмерной критики конгрессменов и нейтрализовать требования поставить ЦРУ под контроль конгресса. А такие требования после позорного провала на Кубе раздавались все чаще и громче и в стенах американского парламента, и на страницах печати...

— О чем вы думаете, Макджордж?

Голос Маккоуна вернул Банди к действительности.

— Да все о том же,— солгал Банди.— Как нам вести теперь свой корабль в бурном Карибском море.

Маккоун невесело усмехнулся.

— Боюсь, что сейчас снова будет в ходу анекдот о том, как мы разрабатываем нашу стратегию в отношении Кубы. Помните? Дочь президента крошка Каролина, конечно, очаровательный ребенок, но не стоит вновь поручать ей составлять план вторжения на Кубу...

— Бросьте, Джон, растравлять рану. Мы, конечно, несколько просчитались — надо прямо признаться в этом. А ваш план был превосходно задуман. Вы знаете, я не люблю делать комплименты.

ПО РЕЦЕПТАМ АРХИЕЗУИТА ЛОЙОЛЫ

Маккоун благодарно кивнул головой. Конечно, Банди старается утешить его. Но кажется, и в самом деле, думал Маккоун, его план ликвидации режима Кастро был неплох. Это первое большое задание, которое ему поручили выполнить сразу после вступления на должность директора ЦРУ в ноябре 1961 года.

Новый шеф разведки США постарался вовсю. Он учел ошибки своего предшественника — Аллена Даллеса. Маккоун окружил подготовку к нападению на Кубу плотной завесой секретности. Он стремился справиться с «заказом» так, чтобы «заказчики» — воротилы «большого бизнеса» увидели, какому квалифицированному мастеру поручили они проведение в жизнь своих планов.

План Маккоуна существенно отличался от плана бывшего директора ЦРУ. Аллен Даллес в агрессии против Кубы роль основной ударной силы отводил отрядам кубинских контрреволюционеров, переброшенным на остров Свободы; правительство США предоставляло им лишь оружие, инструкторов и поддерживало высадку военно-морским флотом и авиацией. Маккоун с самого начала сделал ставку на вооруженную интервенцию против Кубы силами самой американской армии. Кубинских контрреволюционеров должны были высадить на Кубе лишь после того, как 100 тысяч отборных солдат морской пехоты и авиадесантных частей, поддержанные тысячей бомбардировщиков и истребителей и несколькими сотнями военно-морских кораблей, расправились бы с революционной кубинской армией. Все было подсчитано: оккупацию Кубы в основном собирались закончить в три недели. Последние очаги сопротивления кубин-

ского народа в горах Маккоун рассчитывал подавить максимум через три месяца. Эту «работу» предполагалось поручить кубинским эмигрантам, переброшенным в обозе американской армии. Было скалькулировано и вероятное число убитых в ходе кубинской «кампании» — 40 тысяч с обеих сторон.

Правда, видно осторожности ради, Белый дом настаивал, чтобы предварительно вокруг Кубы была установлена плотная морская блокада. «Проклятые мягкотелые интеллигенты, — выругался мысленно Маккоун, — эти дружки Эдлая Стивенсона, наговорили, конечно, президенту всяких страхов и убедили его в необходимости выяснить, какова будет реакция Советского Союза, а также других стран — нейтральных и входящих в блоки под эгидой США.

Черт с ними! В конце концов блокада не помешала бы. Ведь главным нашим козырем, вспоминал глава разведки, была внезапность: отвлечь внимание Советского Союза от района Карибского моря и неожиданно нанести удар, воспользовавшись в качестве предлога вымыслом об «агрессивных действиях Москвы против Соединенных Штатов и Западного полушария».

Напряженность международной обстановки во второй половине 1962 года, грозившую перерасти в «горячую» войну, Маккоун рассчитывал использовать, чтобы скрыть подготовку ЦРУ и Пентагоном вероломного нападения на Кубу.

13 мая, кричали американские газеты, президент Кеннеди снова совещался со своими главными советниками и принял решение оборонять любой ценой, даже ценой использования американских войск, линию вдоль реки Меконг в Лаосе...

Представитель государственного департамента заявил, что не исключена возможность американской военной интервенции в Лаосе...

По приказу президента эскадра 7-го флота направляется в Сиамский залив, к западному побережью Индокитайского полуострова. Эскадра везет туда десант примерно из 2 тысяч солдат морской пехоты...

Соединенные Штаты усиленно накаляли атмосферу вокруг Лаоса и Таиланда. И напрасно возмущался обозреватель Дэвид Лоуренс в «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Трудно понять, почему Соединенные Штаты посылают 5 тысяч военнослужащих в Таиланд — почти за 8 тысяч миль отсюда, — чтобы помешать коммунистам распространить на эту страну то влияние, которым они уже обладают в соседнем Лаосе, и в то же время ничего не предпринимают для спасения Кубы, находящейся всего в 90 милях от наших берегов».

«...Я приехал сюда в период самого острого кризиса после корейской войны» — эти слова произнес министр обороны США Роберт Макнамара, выйдя ясным сентябрьским утром из самолета на западноберлинском аэродроме «Темпельгоф».

«Напряженность в Берлине становится все более угрожающей! Опасность серьезных конфликтов растет! Берлинская секторальная граница напоминает в эти дни и ночи бурлящий дьявольский котел!» — истошно вопила западная печать во второй половине августа 1962 года.

Да, действительно в Западном Берлине тогда целую неделю бесновались фашистские молодчики. Очевидцы утверждали, что августовские события во «фронтном городе» — это самая крупная и серьезная вылазка реваншистов после попытки контрреволюционного путча

в июне 1953 года. Как и девять лет назад, эти события угрожали перерасти в серьезный конфликт.

К событиям в Европе Маккоун, в чьих руках сосредоточены шпионские нити из Западного Берлина и Бонна, имел самое непосредственное отношение.

В сентябре 1962 года военный советник президента генерал Максвелл Тэйлор, ставший позднее председателем объединенного комитета начальников штабов, совершил вояж по Дальнему Востоку и Юго-Восточной Азии. Он сделал при этом множество крикливых заявлений, свидетельствовавших об активных военных приготовлениях США в районе Тихого океана.

А тем временем Пентагон и ЦРУ, применяя различные «отвлекающие маневры», тайно готовились к новой, гораздо более опасной провокации — агрессии против революционной Кубы.

13 сентября, после того как сенат единогласно принял решение о мобилизации 150 тысяч резервистов, президент Кеннеди заявил: «Односторонняя военная интервенция Соединенных Штатов (против Кубы.— В. Ч.) в настоящих условиях не является необходимой или оправданной». Но глава американского правительства тут же подчеркнул, что «если Куба станет военной базой наступательного характера достаточной мощности, то Соединенные Штаты сделают все необходимое для обеспечения безопасности своей и своих союзников».

Говорят, Маккоун, узнав об оговорке президента, не смог удержаться от крепких словечек и помчался в Белый дом. Ведь Кеннеди чуть было прежде времени не раскрыл главный козырь шефа тайной службы.

К сентябрю, вспоминал Маккоун, приготовления Пентагона к вооруженной интервенции на Кубу были в основном закончены. Не хватало одного: мало-мальски благовидного предлога, оправдывавшего нападение на Кубинскую республику перед так называемой мировой общественностью. С кем же я говорил об этом в Белом доме? Ну, конечно, с этим милым парнем, с Тэйлором. Я шел как раз к президенту и завернул на всякий случай к Максуэллу. Ведь ДФК доверяет ему, пожалуй, не меньше, чем Банди.

— У Макнамары все готово, Джон,— упрекнул тогда Тэйлор.— А где ваш мотив для начала операции?

Тонкие губы Маккоуна сложились в самодовольную усмешку.

— Не стоит упрекать меня, генерал. Мы, кажется, нашли, что требуется. Я сейчас буду докладывать президенту.

Директор ЦРУ раскрыл папку и выложил перед главным военным советником Кеннеди документ и несколько больших фотографий.

— Полагаю, этого достаточно,— прибавил Маккоун.

Тэйлор несколько минут внимательно разглядывал бумаги.

— В чем дело, Джон? — наконец спросил он.— Ведь это Советско-кубинское коммюнике от 2 сентября об увеличении советской военной помощи Кубе. Видите, русские ссылаются здесь на угрозу со стороны агрессивных империалистических кругов. А это, насколько я понимаю, отличные снимки ракет среднего радиуса действия, сделанные вашими У-2, летающими над Кубой. Но ведь

это не наступательное, а оборонительное оружие. А нам нужно веское свидетельство или по крайней мере нечто похожее на него о том, что Кастро собирается напасть на нас.

Губы Маккоуна растянулись еще шире.

— Именно это и есть предлог, Максуэлл. Главное, мы имеем неоспоримое доказательство, что русские усиливают военные поставки Кастро, смонтировали на Кубе свои ракеты. А кто нам может помешать объявить эти ракеты грозным наступательным оружием? Средний американец да и латиноамериканские и европейские союзники США не проверят наше утверждение. И потом для них самое страшное — коммунистические ракеты в Америке.

Тэйлор задумчиво посмотрел на Маккоуна:

— Кажется, вы действительно нашли то, что нужно, Джон. Вам пришла в голову счастливая мысль.

Маккоун промолчал, конечно, что, собственно, эту идею подсказал ему Нельсон Рокфеллер, его главный босс, с которым Маккоун встречался незадолго до разговора с Тэйлором.

Рокки порекомендовал Маккоуну произвести съемки ракетных установок на Кубе с небольшой высоты.

— Это здорово подействует на вашего тезку, Джон, — имея в виду президента, резюмировал Рокфеллер. — Я знаю парня: он обязательно полезет в драку.

Маккоун припомнил, что губернатор штата Нью-Йорк, как только началась аграрная реформа на Кубе, стал подталкивать правительство к выступлению против Кастро. Конечно, революция нанесла чувствительный удар могущественным корпорациям США. Миллионы акров земли, принадлежавшие североамериканским

компаниям, перешли в собственность народа Кубы. За ними последовали крупные заводы, электростанции, магазины, приносящие колоссальные прибыли монополистам США.

Но некоторые все же удивляются, почему Рокфеллеры так ненавидят это государство. Ведь, в сущности, национализация на Кубе сравнительно мало задела интересы их империи. Братья-миллиардеры не имели ни крупной собственности, ни значительных капиталовложений на острове Свободы.

Тем не менее революция на Кубе — Нельсон Рокфеллер не раз говорил об этом Маккоуну — пугает братьев-миллиардеров. Эта революция страшна для них силой своего влияния на народы других стран Латинской Америки. А ведь к югу от Рио-Гранде сосредоточены основные капиталовложения Рокфеллеров. «Стандард ойл оф Нью-Джерси» получает более половины своих прибылей от добычи нефти в Венесуэле, Колумбии и Аргентине. Чистая прибыль «Стандард ойл оф Нью-Джерси» в Венесуэле составляет огромную сумму — более 600 миллионов долларов в год.

Если латиноамериканцы по другую сторону Карибского моря последуют примеру Кубы, то братья Рокфеллеры потеряют большую часть своих миллиардов. Неудивительно поэтому, что кубинская революция вызывает у них звериную ненависть...

Рокки не скрывал от него, Маккоуна, что с момента победы революции Куба стала кошмаром династии Рокфеллеров. Выступая в июле 1960 года по телевидению, Нельсон Рокфеллер призвал разработать своего рода «план Маршалла» для Латинской Америки. Цель — сдержать бурное полевание народных масс латиноаме-

риканских стран, вызванное кубинской революцией. Тогда же Рокфеллер предложил созвать конференцию стран — участниц Организации американских государств, чтобы наметить действия против Кубы.

Чем тревожнее положение в Венесуэле, где на огромных нефтяных предприятиях североамериканских компаний все чаще вспыхивают забастовки, тем воинственнее становятся призывы Рокфеллера. 11 февраля 1962 года губернатор штата Нью-Йорк прямо заявил, что на месте президента он, не колеблясь, использовал бы вооруженные силы США для вторжения на Кубу.

И сейчас, в октябре, то, что затевалось против Кубы, происходило в значительной степени по воле Рокфеллеров. Их властная рука — кому это знать, как не Маккоуну! — направляла действия и ЦРУ, и Пентагона, и государственного департамента.

«Все складывалось как нельзя лучше,— думает Маккоун.— И такой неудачный финал. В чем просчет? — мучительно бьется мысль в его голове.— В чем?»

Он не заметил, как повторил вопрос вслух.

— Очевидно, Джон,— слышит шеф секретной службы рассудительный профессорский голос Банди,— все мы рассчитывали, что русские не согласятся убрать свои ракеты с Кубы. Мы все еще никак не можем понять гибкой и динамичной политики Хрущева.

— Вам легко рассуждать, Макджордж,— хмуро возразил Маккоун.— Во-первых, у вас, профессора Гарвардского университета, привычка анализировать. Во-вторых, вы ни за что не отвечаете. Вы советуете и не несете ответственности за свои советы. За последствия ваших рекомендаций отвечает тот, кто их принял. Президент, Дин Раск, Боб Макнамара или я...

И, обиженно скривив губы, сказал:

— Президент упрекнул меня сейчас, что я не смог разгадать этот изящный ход русских ракетным конем на Кубу и обратно. Ведь маневр Москвы выдвинул на первый план проблему наших военных баз на иностранных территориях. А здесь наши позиции, честно говоря, слабоваты. Теперь, когда Советская Россия убедительно доказала, что может создавать базы у самых ворот Америки, американцы на собственной шкуре испытали, что чувствуют русские, когда мы окружаем их страну своими базами.

— Но самое главное, Джон, нам пришлось дать обязательство не нападать на Кубу. И нам, очевидно, пока придется выполнить его, хочется нам этого или нет.

— Даллес,— немного помолчав, произнес Маккоун,— как-то похвастался, что благодаря его стараниям мир во время берлинского кризиса в августе 1961 года в течение четырех минут находился на грани ядерной катастрофы. Мы же балансировали на грани войны целых 154 часа... Простите, Макджордж, я отнимаю у вас драгоценное время. Но вы, надеюсь, понимаете меня...

С этими словами Маккоун встал и распрощался с Банди.

ЛОГОВО СПРУТА

Большой черный «кадиллак», стоявший у северных ворот Белого дома, резко набрал скорость и вырвался на Пенсильвания-авеню. Оставив позади министерство финансов, машина по 14-й улице направилась к мосту «Нейшнл мемориал бридж» через мутный Потомак.

Вдали показался огромный пятиугольник военного ведомства.

Однако Маккоун передумал. Зачем он будет терять время у Макнамары или у его заместителя Гилпатрика? Нужны ему их сочувственные слова, в которых нет-нет да и проскользнет нотка злорадства!

Лицо шефа тайной службы Вашингтона перекошилось от ярости.

— В Лэнгли, Билл. И побыстрее! — хрипло приказал Маккоун.

Шофер круто повернул, и через минуту автомобиль свернул на широкую автостраду, ведущую в предместье Вашингтона Лэнгли.

Шпионский центр обычно сравнивают с осиным гнездом или с волчьим логовом. Но штаб-квартиру центральной американской разведки, пожалуй, правильнее представить в виде тела гигантского омерзительного спрута, десятки щупальцев которого оплели многие районы земного шара.

Автомобиль остановился у светло-серого здания ЦРУ, выстроенного недавно на берегу Потомака в Лэнгли. Маккоун переехал туда со своими сотрудниками в мае 1962 года, вскоре после того, как принял дела от Аллена Даллеса.

Честолюбивый Маккоун выходит из себя, когда ему приходится слышать, что «не имеет значения, кто занял место Аллена Даллеса, ибо его деятельность наложила на ЦРУ свой отпечаток и разведка США долго еще будет оставаться такой, какой она была при Аллене». Маккоун считает себя ничуть не слабее этого ловкого нью-йоркского крючкотвора. Поэтому нынешнему шпионскому шефу хотелось видеть в перемене места располо-

жения «мозгового треста» ЦРУ своего рода символ: закончился даллесовский период в истории американской разведки и началась его, маккоуновская, эпоха, которая, безусловно, будет более удачной и приведет к небывалому расцвету секретной службы Вашингтона...

Огромное здание раскинулось в центре земельного участка площадью в 60 гектаров, среди тенистого парка с плавательными бассейнами, теннисными кортами и площадками для игры в гольф. Рядом — стоянка на 3 тысячи автомашин и вертолетная станция. Все это обошлось американским налогоплательщикам более чем в 50 миллионов долларов. В Вашингтоне лишь один Пентагон превышает размеры здания в Лэнгли; полезная площадь штаб-квартиры ЦРУ, не считая коридоров и подсобных помещений, около 100 тысяч квадратных метров. Эскалаторы, 16 пассажирских и 2 грузовых лифта связывают 7 этажей и глубокий подвал.

И все же здание недостаточно велико, чтобы вместить всех вашингтонских сотрудников ЦРУ. Часть персонала занимает старый комплекс из четырех кирпичных зданий и десятка временных строений на Ист-стрит 2430 в районе американской столицы, известном под названием «Туманное дно».

Сколько сотрудников в ЦРУ? Точные данные, естественно, хранятся в большом секрете и нигде не публикуются. Но все же некоторые сведения проникли в печать. Английский еженедельник «Обсервер» считает, что в ЦРУ от 10 до 30 тысяч служащих. Американский журнал «Тайм» писал о 10 тысячах человек, а газета «Нью-Йорк таймс» называла цифру 9—15 тысяч. Такой знаток американской разведки, как Г. Рэнсом, в своей книге «Центральная разведка и национальная безопасность» приво-

дил цифру 8—10 тысяч плюс несколько тысяч сотрудников в двух десятках отделений в различных городах страны, а также в тщательно законспирированных шпионских представительствах за границей.

Если учесть, что новое здание в Лэнгли рассчитано на 10 тысяч человек и что Маккоун сохранил за собой комплекс старых зданий в «Туманном дне», то цифра 15—20 тысяч будет, очевидно, наиболее близка к действительной численности служащих вашингтонской штаб-квартиры ЦРУ.

Центральное разведывательное управление — это центр огромной паутины шпионажа. Оно направляет деятельность более двух десятков других шпионских органов: армейской, военно-морской и военно-воздушной разведок, бюро разведки и исследований государственного департамента, разведывательных отделов Комиссии по атомной энергии, министерства финансов, управления международного сотрудничества, Федерального бюро расследований, таможенного управления, управления береговой охраны и т. д. Вся система разведки США представляет собой огромный шпионский аппарат, в операциях которого, по данным хорошо информированных журналов «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» и «Ньюсуик», занято примерно 100 тысяч человек. Для сравнения напомним, что в гитлеровской разведке в пору ее расцвета насчитывалось 15 тысяч сотрудников.

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК В АМЕРИКЕ

Американское правительство не скупится на содержание своей секретной службы. Данные о средствах, отпускаемых ЦРУ, как и о его численном составе,

тщательно засекречиваются. Тем не менее сведения, проникшие на страницы западных газет и журналов, дают некоторое представление о том, во что обходится американскому народу ведомство Маккоуна. По сообщениям печати, Центральное разведывательное управление расходует в год 2,5—3 миллиарда долларов — это в 20 раз больше годового бюджета секретной службы гитлеровской Германии.

Но и другие шпионские службы дорого стоят американцам.

По официальным данным, на содержание, например, армейской разведки государственный бюджет предусматривает 125 миллионов долларов в год. Агентству национальной безопасности — сверхсекретному шпионскому органу, занимающемуся подслушиванием телефонных разговоров, радиоперехватами и расшифровкой секретных сообщений иностранных представительств, — отпускается 380 миллионов долларов в год; Национальному управлению по авиации и исследованию космического пространства (НАСА), под прикрытием которого организуются полеты американских самолетов-шпионов в другие страны, — 600 миллионов долларов и т. д.

Если учесть неофициальные суммы, поступающие на содержание разведывательных органов из секретных фондов президента и непосредственно из сейфов монополий (об их размерах можно только догадываться), то не будет большим преувеличением определить капитал, которым ворочает заокеанское разведывательное сообщество, в 4—5 миллиардов долларов в год.

Велика ли в капиталистическом мире власть человека, который ежегодно расходует 5 миллиардов долларов? Огромна. А ведь именно такой суммой в сущности

бесконтрольно распоряжается директор ЦРУ. Конечно, бюджет военного ведомства Соединенных Штатов примерно в 10 раз превышает суммы, поступающие в кассу секретной службы. Но министр обороны не может единолично решать все финансовые вопросы. Он вынужден делить власть с министрами армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил, своими заместителями, председателем объединенного комитета начальников штабов, начальниками штабов родов войск. Главе Пентагона приходится считаться с конгрессом, который в известной мере контролирует его действия. Значит, то, что может сделать министр обороны, никак нельзя сравнить с огромной властью, сконцентрированной в руках шефа центральной разведки.

Не зря называют директора ЦРУ вторым, после президента, человеком в Америке.

Влияние Джона Маккоуна на политику американского правительства трудно переоценить. Рабочий день президента начинается с просмотра сводки, составленной ЦРУ. Нет ничего удивительного, что многие важные решения принимаются Белым домом на основании этой сводки.

В отделе «национальной оценки» — высшем информационном органе американской разведки — составляются для Совета национальной безопасности еженедельные обзоры, отражающие внешнеполитическое, военное и экономическое положение Соединенных Штатов. Кроме того, ведомство Маккоуна каждые три месяца готовит так называемую «национальную разведывательную сводку» — документ особой секретности, содержащий 12 страниц кратких сведений о положении во всем мире. Рекомендации, сформулированные в этом документе, во

многим определяют внешнеполитическую программу американского правительства. «Национальная разведывательная сводка», пожалуй, самая дорогая вещь, которая когда-либо выходила из рук человеческих. Если учесть, что бюджет ЦРУ 4—5 миллиардов долларов в год, то каждая такая сводка обходится американским налогоплательщикам примерно в миллиард долларов.

Совет национальной безопасности — этот узкий кабинет, «сверхправительство» Соединенных Штатов, в которое помимо президента и вице-президента входят министры обороны и финансов, государственный секретарь и директор управления оборонной и гражданской мобилизации,— принимая решения, зачастую руководствуется материалами, представленными центральной разведкой. И хотя директор ЦРУ формально считается «наблюдателем, присутствующим на заседаниях Совета», фактически, выступая в качестве постоянного докладчика, он играет там ведущую роль...

«Глава ЦРУ является самым важным после президента человеком, определяющим внешнюю политику США»,— пишут американские газеты о Маккоуне. Это один из тех редких случаев, когда заокеанскую монополистическую печать трудно упрекнуть в необъективной оценке.

БИЗНЕС ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Просторный кабинет слабо освещен. Поднявшись к себе, Маккоун включил одну лишь настольную лампу. Он отмахнулся от дежурного секретаря, поспешившего к шефу с папкой срочных бумаг:

— Если нет ничего нового о Кубе, все остальное к Картеру, заместителю... Никого не пускайте ко мне.

Секретарь вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Маккоун тяжело опустился в кресло. Проклятый денек! Он покосился на телефон, стоящий на маленьком приставном столике, рядом с аппаратом, соединяющим кабинет прямым проводом с Белым домом. Лишь немногие знали, что этот телефон предназначался для частных деловых разговоров шефа ЦРУ.

Рука потянулась к телефонной трубке, другая медленно набрала номер.

— Слушаю, сэр,— отозвался почтительный голос на другом конце провода.

— Что нового, Стэнли?

— Все в порядке, сэр. К концу дня акции еще повысились. За 24 часа вы заработали почти миллион, сэр. Если шум вокруг Кастро быстро не уляжется, я полагаю, сэр, что вы можете рассчитывать еще по меньшей мере на такую же сумму.

— Ладно, Стэнли, ладно. Даром я, что ли, член специального комитета по кубинскому вопросу Совета национальной безопасности. Но вы сами держите ухо востро и немедленно звоните мне, если дела на бирже будут меняться.

— Будет исполнено, сэр,— отвечает нью-йоркский маклер.— Спокойной ночи, сэр.

Маккоун облегченно вздыхает. Хоть одна хорошая новость за этот длинный, полный неприятностей день. Выигрыш в миллион долларов может заставить забыть даже о крупных неудачах на служебном поприще.

Делать деньги — прежде всего. Да, именно, сначала бизнес, а потом уже политика, государственная служба, семейные дела...

Самая сильная власть — это деньги. Чем больше денег, тем больше власти — таков принцип, которым свято руководствуется главный шпион США.

Обозреватель Дрю Пирсон на страницах газеты «Нью-Йорк миррор» как-то рискнул упрекнуть Маккоуна, что он «выколотил больше денег из дяди Сэма на военных контрактах, чем любой другой человек, работающий сейчас для правительства».

Конечно, Джон Маккоун начал не с пустого места. Он отпрыск богатого сан-францисского промышленника, владельца сталеплавильного завода в штате Невада. В 27 лет Маккоун был уже управляющим Ллуэлинским металлургическим заводом, а через пять лет стал вице-президентом компании «Консолидейтед стил корпорейшн». Сколотив первый миллион, он основал собственную машиностроительную фирму «Бечтел — Маккоун — Парсонс». Однако всю развернулся пронырливый калифорнийский делец после того, как Соединенные Штаты вступили во вторую мировую войну. Он устремился в один из самых выгодных в то время видов бизнеса, приносящий крупнейшие барыши, — в кораблестроение. Для снабжения союзников по антигитлеровской коалиции и своих собственных войск, отделенных от Соединенных Штатов огромными водными пространствами, американскому правительству были нужны корабли. Оно предоставляло широкие льготы судостроительным предприятиям, и Маккоун, не теряя времени, создал компанию «Калифорния шипбилдинг корпорейшн» («Калшип») и стал ее президентом.

Джон Маккоун настолько беззастенчиво грабил американское государство, что возмутил даже выдавших виды служащих из управления главного ревизора министерства финансов. В конце войны разразился скандал: правительственные чиновники доказали, что президент «Калшип» получил 44 миллиона долларов прибыли, вложив в дело всего лишь 100 тысяч долларов.

Как все повторяется в мире бизнеса! Когда в Соединенных Штатах в середине прошлого века разразилась гражданская война между Севером и Югом, правительству северян потребовалось много судов для перевозки войск. И вот на сцене появился ловкий мошенник Корнелий Вандербильт. Скупив за бесценок на корабельных кладбищах старые развалившиеся посудины, он кое-как подлатал их и продал правительству за большие деньги как новые суда. Конечно, предварительно Вандербильт сунул взятки нужным людям. Сотни солдат погибли на этих дырявых корытах, которые тонули, едва выйдя в море. Зато Вандербильт положил начало своему первому миллиону долларов.

Сто лет спустя трюк Корнелия Вандербильта, основателя известной династии американских миллиардеров, повторил Джон Маккоун. Он сбывал правительству за большие деньги склепанные на скорую руку железные коробки, которые разваливались, часто не закончив даже своего первого рейса. И кто знает, может быть, миллионы, заработанные на гибели американских матросов и солдат, явятся фундаментом новой династии заокеанских миллиардеров — Маккоунов из Лос-Анжелеса.

Джону Маккоуну удалось замять дело. Чтобы окончательно замести следы, он вышел из фирм «Бечтел — Маккоун — Парсонс» и «Калшип» (тем более, что кораб-

лестроительный бизнес уже потерял свое значение) и стал единственным владельцем двух судоходных компаний: «Джошуа Хэнди», которая владеет 50 танкерами и грузовыми пароходами, и «Панама — Пэсифик тэнкерс». И в конце концов ему было уже наплевать на всякие разговоры: он стал одним из самых богатых людей в Южной Калифорнии. А доллары, как известно, лучшая броня от нападков печати и придинок федеральных законников...

ЦЕЛЬ ЖИЗНИ — 100 МИЛЛИОНОВ ДОЛЛАРОВ

После назначения Маккоуна директором ЦРУ пресса монополий на все лады принялась расхваливать калифорнийского бизнесмена. На газетных страницах возник елейный образ «блестящего организатора», «великого патриота», «смиренного сына католической церкви», «благородного отца семейства», «справедливого начальника», «мудрого государственного мужа».

Особенно превозносилась прозорливость нового шефа ведомства «плаща и кинжала», его способность предвидеть. В качестве доказательства ссылались на тот факт, что 12 лет назад Маккоун — тогда заместитель министра авиации — настаивал, чтобы правительство тратило по меньшей мере 2 миллиарда долларов в год на производство управляемых снарядов. И никто, конечно, не упомянул, что на самом деле Маккоун пекся вовсе не об интересах Соединенных Штатов. Просто ловкий делец вложил деньги в новый, ракетный бизнес и старался изо всех сил урвать для себя кусок пожирнее.

Маккоун принадлежит к числу бизнесменов, раньше других убедившихся, что в США сейчас «делают деньги» быстрее те, кто находится у кормила власти.

Маккоун понял это еще в 1950 году, когда занимал пост заместителя министра авиации в правительстве Трумэна. Он предоставил тогда своему партнеру по наживе — Кайзеру контракт на строительство грузового транспортного самолета «Флаинг бокскар» по цене, в три раза превышавшей цену, выплачиваемую правительством компании «Фэйрчайлд», конкурирующей с корпорацией «Кайзер — Фрэзерс».

Обычно монополисты США, заняв какую-либо должность в государственном аппарате, формально оставляют свой пост в мире бизнеса и объявляют о продаже принадлежащих им акций. Это делается для того, чтобы никто не мог обвинить людей, возглавляющих американскую администрацию, в использовании служебного положения в корыстных целях. Конечно, руководители государственной машины США не порывают связей с монополиями и не отказываются от деловых операций, но действуют через подставных лиц.

Маккоун пренебрег этим неписанным правилом. Когда в 1958 году его назначили председателем Комиссии по атомной энергии, он прямо написал Шерману Адамсу, секретарю тогдашнего президента Эйзенхауэра: «По причинам, которые я обсуждал с вами, для меня нецелесообразно избавиться от права собственности на акции. Поэтому вопрос о любом возможном столкновении интересов должен быть тщательно продуман».

И не только написал, но так и не расстался с толстым пакетом акций нефтяной монополии «Стандард ойл компани оф Калифорния» (их было у Маккоуна ни много ни мало 18 тысяч), а также с акциями судовой компании «Джошуа Хэнди», в которой он единоличный хозяин. Почему? Очень просто: прошло немного времени, и

Маккоун, используя свое положение главы атомной промышленности, передал судостроительной фирме «Стейтс марин» выгодный контракт на постройку первого американского атомного судна «Саванна». А «Стейтс марин» является партнером маккоунской фирмы «Джошуа Хэнди». В итоге, проведя несложную комбинацию, Маккоун — председатель Комиссии по атомной энергии положил казенные деньги в карман Маккоуну — бизнесмену, владельцу «Джошуа Хэнди корпорейшн» и «Стейтс марин».

Журнал «Тайм» прямо характеризовал Маккоуна как человека, который «энергично делал карьеру на государственной службе и одновременно увеличил свое личное состояние». Что же, автору статьи нельзя отказать в объективности. Он забыл только упомянуть, что ревностный католик Джон Маккоун руководствуется в своей деятельности правилом: «Для достижения цели все средства хороши».

...Когда Маккоун умрет и душа его вознесется на небо, он, наверно, признается святому Петру, который учинит ему строгий допрос перед вратами рая, что отнюдь не без корысти добивался поста шефа центральной разведки.

Колоссальная административная власть, возможность бесконтрольно распоряжаться миллиардами долларов, огромная армия послушных сотрудников, верные люди, занявшие ключевые позиции в государственном аппарате, — все это открывает широкие возможности для быстрого обогащения. А кто не хочет перешагнуть заветный рубеж — 100 миллионов долларов личного состояния, обогнать высокомерного сноба Дугласа Диллона и сравняться с самим Рокки — с Нельсоном Рокфеллером! Во

всяком случае, он, Маккоун, не отказывается от такой перспективы. Больше того,— что ему хитрить перед самим собой! — это та цель, к которой он стремится всю свою жизнь.

ПРОКЛЯТИЕ НЕВАДЫ

Джон Маккоун почувствовал страшную усталость. Болела голова, свинцом налились веки. Он вспомнил, что с раннего утра на ногах. Такой напряженный день не под силу и молодому, а ведь ему уже 60!

— Боб,— бросил Маккоун в диктофон секретарю,— никого ко мне не пускать и никаких звонков. Кроме как от ДФК, конечно. Я отдохну немного.

В соседнем с кабинетом салоне шеф ЦРУ снял пиджак, развязал надоевший галстук и с наслаждением вытянулся в глубоком низком кресле.

Мозг продолжал еще по инерции работать. «Какой все-таки выговор сделал ему президент. Как мальчишке... И все этот упрямый бородач с острова... Чего еще можно ждать от русских?..»

Мысли спутались. Голова Джона Маккоуна склонилась набок, глаза закрылись...

Вдруг потянуло холодом. Откуда сквозняк? Маккоун поднял голову. Кто-то невидимый потихоньку приоткрыл дверь, ведущую в кабинет.

— Кого там черт носит? — рявкнул потревоженный босс.

В салон вошла скромно одетая женщина.

— Кто вы такая? Как попали сюда? — грозно спросил незнакомку шеф ЦРУ.

— Я Марта Бордоли из Невады,— негромко ответила она.

— Из Невады... Из Невады... Ну и что? Все равно я не знаю вас. Вы что, с моего завода?

Маккоун почувствовал, что ему почему-то становится страшно.

— Нет,— ответила женщина.— Я с фермы. Наше ранчо в 150 километрах от полигона, где испытываются атомные бомбы. Меня зовут Бордоли. Марта Бордоли.

— Ну и что вы хотите от меня?

Маккоун невольно понизил голос. Незнакомка продолжала внушать ему страх.

— Моя семья — первая американская семья, ставшая жертвой атомной радиации. Мой сын, семилетний Бат, уже погиб от лейкемии. Обе наши дочери тоже поражены лучевой болезнью. Они умрут. И мы с мужем конченные люди. За что вы подвергли нас таким страданиям?

Миссис Бордоли сделала несколько шагов к Маккоуну.

— Постойте, постойте! — закричал он.— Но при чем здесь я?

«Это сумасшедшая,— пронеслось у него в голове.— Еще хватит меня чем-нибудь. Охранники, подлецы, как они ее пропустили?!»

— Вы, Джон Маккоун,— голос женщины стал громче,— несколько лет были главным атомщиком Америки. Вы участвуете в атомном бизнесе. Гибель людей приносит вам миллионы...

Марта Бордоли взмахнула рукой, и по комнате поплыли клубы пыли.

— Видите, Джон Маккоун, это радиоактивная почва

из Невады. Глотните хоть разок ту смертельную пыль, которой мы дышим все время.

Громкий треск наполнил комнату. Это щелкал счетчик Гейгера, висевший справа от кресла на стене. Стрелка плясала за верхней отметкой шкалы.

«Какая перегрузка,— холодея, подумал Маккоун.— Чертова баба решила, видно, угробить меня. И откуда счетчик? Его никогда здесь не было».

— Вот так вел себя счетчик, Джон Маккоун, в тот день, когда в Неваде была взорвана мощная бомба, убившая моего Бата. А представитель вашей Комиссии по атомной энергии, которого мы вызвали, чтобы он принял меры, хладнокровно заявил нам: «Ничего, все уже входит в норму».

— Уверяю вас, миссис Бордоли, если бы я знал, как обстоит дело в действительности,— заверил Маккоун, косясь на счетчик,— я немедленно приказал бы прекратить испытания.

Треск счетчика стал стихать.

— И кроме того,— облегченно переведя дух, продолжал шеф ЦРУ,— многое от меня не зависело. Знаете, Пентагон, Белый дом... Собственно, я только выполнял их приказы...

— Вы лжете, Джон Маккоун,— перебила его миссис Бордоли.— Вы всегда были за ядерные взрывы. Даже тогда, когда в 1958 году русские в одностороннем порядке прекратили испытания ядерного оружия и призвали нас и другие западные державы последовать их примеру. Почему вы не приняли это разумное предложение?

— Кто дал вам право так разговаривать со мной? — не зная, что ответить, закричал Маккоун.— Вы не член

Верховного суда и не председатель комиссии конгресса по расследованию антиамериканской деятельности. Я не буду отвечать вам.

— И не надо, Джон Маккоун. Я сама скажу за вас и буду вас судить строже, чем самый строгий судья.

Слушайте же, Джон Алекс Маккоун. Это вы в 1956 году обрушились на группу ученых — среди них были лауреат Нобелевской премии Карл Андерсон, Томас Лауритсен и Гаррисон Браун, — выступивших за запрещение атомных испытаний. Помните, что вы писали тогда:

«Ваше заявление, по-видимому, предназначается для того, чтобы вселить страх в одураченных... Оно явно рассчитано на то, чтобы поднять в умах неосведомленных людей страх перед опасностью, которую радиоактивные осадки, возникающие при испытании водородной бомбы, создают для жизни... По всей вероятности, вы клюнули на советскую пропаганду...»

Это вы, Маккоун, на заседаниях правительства Эйзенхауэра решительно выступали за возобновление ядерных испытаний в 1959 году. И хотя в то время президент не согласился с вашей точкой зрения, вы все же приказали подготовить испытательные полигоны Комиссии по атомной энергии к новым экспериментам.

Это вы на заседании Совета по международным отношениям в марте 1960 года заявили, что на данном этапе невозможно запретить ядерные испытания, так как Запад-де «не может принять на веру обещание русских не проводить подземных ядерных взрывов».

Это вы через несколько дней на совещании в государственном департаменте с пеной у рта доказывали необ-

ходимость новых испытаний, чтобы как можно быстрее снабдить американскую армию усовершенствованным атомным оружием.

Это вы в интервью корреспонденту журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» вновь высказались за немедленное возобновление подземных ядерных испытаний...

— Откуда вы все это знаете, откуда? — тяжело дыша, выдавил Маккоун.

— Это известно не только мне. Люди давно следят за вашими черными делами, Джон Маккоун. Берегитесь гнева народа. Он испепелит вас, как взрыв самой мощной из ваших водородных бомб. Но я знаю еще больше. Джон Маккоун. Я знаю, что, уйдя с поста председателя Комиссии по атомной энергии, вы продолжали через своих дружков в правительстве и Пентагоне добиваться проведения новых взрывов. И то, что 2 марта 1962 года правительство объявило о возобновлении ядерных испытаний,— дело и ваших рук. Газеты прямо назвали это «триумфом Джона Маккоуна в ожесточенной борьбе за кулисами». Да, вы добились этого вопреки рекомендациям главного советника президента по вопросам науки Визнера и мнению Эдлая Стивенсона, которые считали, что с научной и пропагандистской точек зрения атомные взрывы невыгодны Америке.

Это вы, Джон Маккоун, были закулисным организатором испытаний ядерного оружия на большой высоте в районе острова Джонстон именно в тот день — это было 8 июля,— когда делегаты Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир начали свою работу в Кремле. Честные люди справедливо расценили операцию «Доминик» — так ваши друзья в Пентагоне зашифровали

серию испытаний ядерных устройств в Тихом океане — как крупную термоядерную провокацию.

— Но постойте,— пискнул шпионский босс, чувствуя, как все сильнее сжимается его сердце,— дайте мне, наконец, сказать.

— Не пытайтесь оправдываться, Джон Маккоун! — гневно крикнула женщина.— Вы не посчитались с предупреждениями выдающихся ученых многих стран, в том числе и американских ученых, поднявших голос протеста против экспериментов, опасность которых для жизни и здоровья людей бесспорна. Даже в официальном сообщении Комиссии по атомной энергии признавалось, что новый пояс радиации, возникший в результате высотных взрывов, более интенсивен, чем предполагалось, и, «возможно, сохранится на много лет».

— Поймите,— начал прерывающимся голосом Маккоун,— мы должны... регулярно проводить испытания. Иначе Америка отстанет... окажется беззащитной...

Женщина так взглянула на шефа ЦРУ, что слова застряли у него в горле.

— Вы не в ладах с элементарной логикой, Джон Маккоун,— произнесла она язвительно.— Вы и ваши партнеры по атомному бизнесу утверждаете, что у вас вдвое больше ядерных бомб, боеголовок и ядерного оружия, чем у русских. Спрашивается, чего же вы боитесь? Но предположим, что вы не знаете точно, сколько атомных и водородных бомб у России. Видимо, это так и есть. Но имеются факты: количество взрывов ядерных устройств. И вы произвели их гораздо больше, чем Россия. Я спрашиваю: зачем вам понадобились новые испытания? Почему вы не остановились, когда осенью 1961 года русские закончили испытания ядерного оружия?

Маккоун хотел сказать, что женщина слишком все упрощает, что не ей рассуждать о высших интересах Америки и судить его, миллионера, политического деятеля, администратора, занимающего влиятельный государственный пост. Но он вдруг с ужасом убедился, что у него пропал голос. Губы энергично шевелились, язык исправно работал, но он не мог произнести ни слова. «Как же я объясню ей,— подумал Маккоун,— ведь эта безумная сделает со мной все что угодно, а я даже не смогу позвать на помощь». Он хотел подняться, бежать, но ноги не повиновались ему.

«Я погиб»,— пронеслось в его голове.

— Сидите спокойно, Джон Маккоун,— произнесла женщина.— Вам не убежать от меня. Вы преступник уже потому, что побудили президента забыть о своем главном предвыборном обещании. Во всяком случае, главном для нас, простых людей Америки и всего мира.

Женщина протянула руку с белым листком бумаги.

«Предвыборная листовка Джона Кеннеди»,— успел прочитать Маккоун заголовок, напечатанный крупными буквами.

— Слушайте же,— продолжала Марта Бордоли,— что обещал президент: «Я буду прилагать все силы, чтобы добиваться разоружения в мировом масштабе и конца ядерных испытаний...» — Голос ее приобрел торжественный оттенок.— Слышите, Маккоун: «...конца ядерных испытаний, добиваться мира, где царят мир и свобода, а не гонка ракетного оружия и железные занавесы». И за то, что эти обещания не выполнены, вина лежит и на вас, Джон Маккоун, и на ваших друзьях.

Он еще раз попытался встать, но напрасно: туловище словно приросло к креслу.

— Нет, вы не убежите от меня, Джоң Маккоун! — закричала Марта Бордоли.— Я ненавижу ваши бомбы, которые взрываются под нашими ногами в земле Невады. Вы повинны в смерти моего Бата! Вы повинны в смерти других детей — в Америке, в Азии! Неужели вам нужны еще жертвы? Нет, их больше не будет. Вы умрете, Джон Маккоун. Но прежде испытаете все те муки, которые терзали моего Бата, наших несчастных детей!

С этими словами женщина открыла скромную сумочку и опустила в нее руку. «Сейчас она выстрелит в меня. На помощь, на помощь!» — хотел крикнуть шпионский босс, но не смог.

Однако Марта Бордоли достала из сумочки не пистолет, а небольшую металлическую сигару и положила ее на столик.

— Вот ваша смерть, Джон Маккоун. Это — миниатюрная атомная бомба. Но ее хватит на вас. Сейчас она взорвется, и вы умрете — не от взрыва, нет. Это была бы слишком легкая смерть для вас. Вы подвергнетесь атомной радиации, заболите лучевой болезнью. У вас вылезут волосы, выпадут зубы. Вы будете корчиться в страшных судорогах. Вы не сможете ни есть, ни пить. Медленная и мучительная смерть ожидает вас.

Женщина шагнула к двери и мгновенно исчезла, как бы растворившись в воздухе.

Металлическая сигара матово поблескивала на столике. До слуха Маккоуна донеслось легкое шипение. «Сейчас она взорвется,— пронеслось в голове полумертвого от ужаса шефа ЦРУ.— Надо ее немедленно выбросить в окно». Он протянул руку, но не успел дотронуться до сигары, как она беззвучно развалилась на части. Желтовато-зеленое облако наполнило комнату.

«Поздно,— цепenea, подумал Маккоун.— Это конец». Он в последний раз глотнул едкий дым, закашлялся и... проснулся.

— Что за чертовщина мне приснилась? — громко сказал он, вдыхая полной грудью чистый кондиционированный воздух и с радостью чувствуя, как быстро успокаивается потревоженное сердце.

Что он видел во сне, Маккоун уже не помнил. Он сразу забыл и о Марте Бордоли, и о ее погибшем сыне. И о несчастных детях и взрослых в Америке и других странах, заболевших лучевой болезнью в результате взрывов американских атомных бомб. Такие «мелочи» его не волновали.

Раздался приглушенный звонок телефона, соединяющего кабинет директора ЦРУ с рабочей комнатой президента.

Маккоун быстро схватил трубку.

— Слушаю, сэр.

Но ему ответил Макджордж Банди.

— Хэлло, Джон, это я. Завтра в девять президент ждет вас с предложениями по кубинской проблеме.

— Вы же знаете, Макджордж, мою точку зрения. Я — за продолжение карантина.

— Хорошо, Джон. Но ДФК просил вас обдумать все как следует еще раз. Завтра будет обстоятельный разговор, отдохните хорошенько: позади трудная неделя. Спокойной ночи, Джон.

И, помолчав немного, добавил:

— Президент уже забыл последний неприятный разговор.

Маккоун понял: размолвка кончилась.

— Спасибо, Макджордж. Вы — добрый ангел.

Шпионский босс медленно положил трубку. Нет, он еще нужен президенту. Он нужен своему патрону Рокфеллеру. Он еще покажет, на что способен. Он перещеголяет Аллена Даллеса и заткнет рот всем своим недоброжелателям.

Маккоун поспешил за рабочий стол.

— Быстро, последние сообщения из Кубы и Западной Германии,— приказал он секретарю.— Сводки о движении советских судов. Телеграммы из нашего посольства в Москве.

Шпион № 1 Америки занялся своими будничными делами.

ОСТОРОЖНО: «БЕШЕНЫЕ»!

Вы, конечно, понимаете, уважаемый читатель, что, может быть, Маккоун вовсе и не видел таких страшных снов.

Но у шпиона № 1 Америки в конце октября 1962 года наверняка был тяжелый день. Неважно, воскресенье это, понедельник или вторник, но был такой день, когда он убедился, что в результате решительной и гибкой политики Советского правительства провалился план вооруженной интервенции против Кубы, тщательно разработанный в штаб-квартире Центрального разведывательного управления США и в Пентагоне.

Нельзя, конечно, ручаться за документальную точность бесед Маккоуна, скажем, с Макджорджем Банди. Но о чем-то очень похожем они обязательно толковали. Они просто не могли не говорить об этом: такой разговор логически вытекает из образа мыслей, поступков, публичных выступлений этих закадычных друзей и поли-

тических единомышленников, возглавляющих клан «бешеных» в Вашингтоне, которым, кажется, не помогут уже никакие прививки.

Чудодейственное лекарство, открытое Луи Пастером, к сожалению, в данном случае бессильно. И Маккоун, и Банди, и еще один, главный, «бешеный» — неофициальный советник президента, бывший государственный секретарь Дин Ачесон, и все остальные «бешеные» страдают совсем другим видом недуга. Эта болезнь вызывается не фильтрующимся вирусом. Бациллы политического бешенства, которым одержимы некоторые представители правящих кругов США, гнездятся в военном бизнесе.

Мы видели, как тесно связан с монополиями, производящими ядерное оружие и топливо для ракет, Джон Маккоун. Не меньше шефа секретной службы заинтересованы в прибылях от торговли орудиями смерти и Ачесон, и Банди, и Тэйлор. А о Диллоне и говорить нечего. Военственный банкир — один из финансовых столпов военно-промышленных корпораций Америки. Чем интенсивнее гонка вооружений, тем больше барышей загребают «бешеные».

Вот почему малейшее потепление в отношениях между Востоком и Западом, едва заметный сдвиг к разрядке международной напряженности немедленно влекут за собой яростное противодействие ультрареакционных политиков Вашингтона. У больных, страдающих водобоязнью, яркий свет, движение воздуха вызывают приступы судорог. Точно так же бьются в корчах «бешеные» за океаном, едва только в Белом доме начинают прислушиваться к разумным предложениям Советского правительства.

В результате миролюбивой политики СССР в конце

октября 1962 года было приостановлено опасное развитие событий в районе Карибского моря. Президенту Кеннеди пришлось снять блокаду острова Свободы и заявить перед всем миром, что Соединенные Штаты не совершат нападения на Кубу и будут удерживать от подобных действий своих союзников.

Перспектива полной ликвидации карибского кризиса подняла на ноги клан «бешеных» в Вашингтоне. В новом нагнетании напряженной атмосферы вокруг Кубы одна из ведущих ролей принадлежит Маккоуну.

Утверждают, что именно под его влиянием глава американского правительства уже 13 декабря 1962 года, всего лишь через какие-нибудь полтора месяца после обнадеживающих заявлений, дал откровенно понять на пресс-конференции, что США не собираются отказываться от своих планов экономической борьбы против Кубы. Перед Новым годом президент выступил на собрании кубинских контрреволюционеров в Майами. Вместе с предателями народа Кубы, собравшимися на стадионе «Орейндж бул», Кеннеди чествовал большую группу наемников Центрального разведывательного управления, вторгшихся в апреле 1961 года на остров Свободы и потерпевших там сокрушительное поражение. Он демонстративно принял от них подарок — флаг контрреволюционеров — и обещал вернуть его им в «свободной Гаване». В организации встречи деятельное участие принимали Маккоун и Банди.

Это «бешеные» настояли на том, чтобы официальные власти объявили день 17 февраля 1963 года «днем Кубы». Почти сутки на экранах телевизоров и в эфире неистовствовали конгрессмены, являющиеся рупорами «бешеных», — Китинг, Стеннис, Мортон и другие. Они

призывали уничтожить революционное кубинское правительство, «демонтировать коммунизм Кастро», не останавливаясь ни перед чем, вплоть до развязывания термоядерной войны.

Маккоун, Банди, Ачесон ликовали, когда президент заявил, что «политика Западного полушария должна быть направлена на возвращение Кубы в американскую семью наций».

Шеф секретной службы Вашингтона — один из главных исполнителей воли монополий США, и в первую очередь финансовой империи Рокфеллеров, мечтающих о новой агрессии против свободной Кубы. И у него уже есть новый план удушения кубинской революции. Об этом проговорился сам Маккоун, выступая в начале 1963 года перед комиссией палаты представителей по иностранным делам. Шпионскому боссу явно не терпится взять реванш за свое октябрьское поражение.

...Было время — и совсем недавно, в 1912 году, — когда съезд демократической партии отказался включить в списки кандидатов в президенты и в члены конгресса не только богатых людей, но даже и их приверженцев. Ныне эта демагогическая маскировка отброшена в сторону.

Современные хозяева Америки — крупные монополии и их штаб — Национальная ассоциация промышленников взяли власть непосредственно в свои руки. Они отбросили даже те немногие правила приличия буржуазной демократии, которые предписывали, чтобы высшие государственные должности занимали не сами миллионеры, а их слуги — адвокаты, управляющие предприятиями.

Самые важные посты в правительстве США принадлежат богатейшим людям. Нескольким миллионерам

принадлежат ответственные должности в исполнительных органах правительства. По самым скромным подсчетам, более 40 конгрессменов имеют миллионные или почти миллионные состояния.

В этом свете приход Маккоуна на пост директора ЦРУ — весьма знаменательное явление. «Мистер Миллион во главе разведки Америки», — метко заметила одна французская газета, когда стало известно, что президент Кеннеди вручил бразды правления своей секретной службой калифорнийскому богачу. Национальная ассоциация промышленников и здесь взяла командование непосредственно в свои руки.

Почему? Потому, что американские монополисты стремятся распространить свое господство на весь земной шар. Для этого они приняли твердый курс на превращение Соединенных Штатов в полицейское государство. Рокфеллеры, Морганы, Диллоны и прочие некоронованные короли США решили сделать из шпионской службы эффективное орудие борьбы против мировой социалистической системы, усиливающегося национально-освободительного движения народов колоний и зависимых стран, растущего влияния нейтральных государств. Монополисты Соединенных Штатов Америки превращают американскую разведку в «большую дубинку» и против тех своих союзников по агрессивным блокам, которые не проявляют должной покорности.

Французский публицист профессор Бернар Лавернь писал: «Пентагон и американская служба шпионажа являются подлинным правительством США».

Маккоун и его подручные пускают в ход самые грязные и преступные средства: шпионаж, диверсии, террор, подкуп, шантаж, вероломство. В деятельность шпион-

ской службы Вашингтона вовлечены сотни тысяч, нет, миллионы людей. Бывший президент Эйзенхауэр не делал из этого секрета. «Не менее 5 миллионов,— заявил он незадолго до скандального провала воздушного шпиона Пауэрса,— непосредственно связаны с осуществлением программ в области национальной безопасности».

Всему миру известно, что там, за океаном, в командном пункте международной реакции сейчас плетутся сети преступного заговора против человечества. Нити этого заговора сходятся в цепких руках дельца с черной душой гангстера и коварством иезуита — для него нет ничего святого, кроме доллара, которому он поклоняется,— в руках Джона Маккоуна, директора шпионского ведомства Америки.

СОДЕРЖАНИЕ

Черное воскресенье мистера Маккоуна	3
Подручный «братьев-разбойников»	8
По рецептам архиезуита Лойолы	12
«Счастливая мысль» главного шпиона	16
Логово спрута	20
Второй человек в Америке	23
Бизнес прежде всего	26
Цель жизни — 100 миллионов долларов	30
Проклятие Невады	33
Осторожно: «бешеные»!	42

Чернявский Виталий Геннадиевич.

ШПИОН № 1. Pamфлет о шефе разведки США Джоне Алексее Маккоуне. М., Госполитиздат, 1963.

48 с.

32И

Редактор *Г. Фокина*

· Художник *А. Житомирский*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *А. Данилина*

Сдано в набор 28 мая 1963 г. Подписано в печать 25 июня 1963 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 1¹/₂. Условн. печ. л. 2,46. Учетно-изд. л. 1,84.
Тираж 100 тыс. экз. А 03098. Заказ № 1364. Цена 4 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

